

# Еще менее анархисты, чем Маркс

Диего Абад де Сантильян

1925

Анархизм – не доктрина ученых и не лабораторное открытие, анархизм – это социальное движение угнетённых и эксплуатируемых против угнетения и эксплуатации. С философами или без них, анархизм как революционное движение, призванное цементировать все общество на новых экономических, этических и политических основах, не исчезнет, по той простой причине, что он не был рождён магическими формулами того или иного мыслителя и не зародился в какой-нибудь библиотеке древних томов.

Мы не отрицаем того, что философы и мыслители ускорили развитие анархистских идей, и далеки от того, чтобы ставить под сомнение ценность их вклада в конкретизацию революционной теории и постановке ее на солидную основу. Но это далеко от того, чтобы признать за философами и философствующими неучами монопольное право на анархизм. Мыслители и их плагиаторы могут написать целые библиотеки, прочесть тысячи и тысячи томов; они могут воздвигать более или менее значимые литературные памятники свободе, равенству, братству, эсперанто и революционной сексуальности; но с этими монументами не создается социальное движение, в котором принимают участие по преимуществу те, кто едва умеют читать и кто в силу своего материального положения не могут себе позволить роскошь поглощать библиотеки книг или разглагольствовать в кафе. Горе анархизму, если бы он по сути своей был бы основан на труде философов и философствующих неучей!

К счастью, анархизм идет своей дорогой, сохраняя известную независимость от наших дискуссий; и пока мы обсуждаем, является ли белое белым или всё-таки чёрным, вполне может оказаться так, что мы потеряем реальную связь с либертарным социальным движением трудящихся. Ведь именно среда угнетенных и эксплуатируемых трудящихся питает революционную тенденцию, в развитие которой мы должны вносить вклад нашими идеями и инициативами, и чье распространение мы должны облегчать с помощью газеты, книги, трибуны, – но не пытаться монополизировать его в качестве развлечения для философских прогулок или в виде спортивного упражнения в часы интеллектуального «снобизма».

Умственный блеск выеденных определений и концепций, служащих стереотипами в кругах «интеллигенции», чудовищно удушлив. Мы по своей прихоти создали слова и духовные привычки, которые затем поработили нас и привязали к чертову колесу

автоматизма. Идеи о борьбе классов, единстве трудящихся, человеке экономическом и человеке политическом субъекте и т.д. являются для нас как раз такими пунктами, где груз приобретённых привычек мешает нам думать самостоятельно. Когда кто-то пытается выступить против господства одного из этих трюизмов, он наталкивается на мощь тех корней, что он пустил в сознании, и на его власть над людьми.

Конечно, мы не собираемся утверждать, что невозможно было бы провести чёткое мыслительное различие между деятельностью экономической и политической, но точно так же можно было бы классифицировать людей, подразделяя их на холериков и сангвиников, на любителей лапши и риса по-валенсийски, на высоких и низких и т.п. – до бесконечности. Что нам кажется в этом чистым произволом, так это абсолютизация разделения, к примеру: в профсоюзе ты – человек экономический и изволь позаботиться о том, чтобы не вносить в него развращающую отраву своих особенных идей! Если ты желаешь быть человеком политическим, займись идейными и культурными вещами, уйди в аффинити-группу или в партию, согласно твоим предпочтениям. Мы никогда не могли понять эту точку зрения французских синдикалистов и меньшинства так называемых анархистов, которые заправляют в рабочем движении Барселоны. Пусть Малатеста чувствует склонность к тому, чтобы разделять эту позицию – нам это безразлично. Пусть Нену Вашку отстаивает ее в книге на 150 страниц – все равно. Анархисты мы или нет? Если да, то мы должны быть ими всегда и повсюду. Если же нет, то было бы дурно симулировать по праздникам или в определенных кругах идеи и чувства, которые мы не разделяем.

Нам говорят, что профсоюз организуется для наёмных рабочих, которых хотят вести борьбу с капитализмом. Еще одна пустая фраза! Возьмем недавний русский пример, который демонстрирует тем, кто не хочет закрывать на это глаза, что **капитализм является менее серьезным противником, чем этатизм, сам принцип власти**. Русская революция разрушила старые формы капитализма, превратила в руины частный капитал, но она оставила в силе государственную машину, и капитализм, выброшенный в окно, через два года вернулся через открытую дверь, сопровождаемый почестями и коленопреклонением мнимых вчерашних врагов, принятый как спасатель страны. Быть врагом капитализма недостаточно, чтобы быть революционером, особенно после русского опыта. И те, кто силятся убедить массы рабочих в том, что их главный враг – капитализм, пытаются одновременно сбить пролетариат с пути его инстинктивной войны с государством. Впрочем, в своей повседневной борьбе с капиталом мы ни разу не обходились без вмешательства гостя – вмешательства государства в форме жандарма, солдата, судьи и т.д. Интересы государства – даже в тех странах, которые якобы управляются «рабочими правительствами», совпадают с интересами капитализма. И это видят все. Не хватает только, чтобы пришло несколько господ софистов от имени синдикализма, чтобы разделить эти вещи и объединить трудящихся ради борьбы с капитализмом, оставив в неприкосновенности государство, его институты и идеи, на которые оно опирается, во славу мнимого единства класса, которое разобьется, если мы, анархисты, враги принципа власти, станем нападать на государство и этатизм. Сравните эти гениальные рассуждения с храбростью наших предшественников, людей Первого Интернационала в Испании и Италии, которые заявляли: «В экономике мы федералисты, в религии – атеисты, в политике – анархисты». Эти товарищи не боялись

слов, они не отступали от идей, которые казались слишком радикальными для своего времени; но их последователи хотели бы избежать в профсоюзе разговоров о боге, потому что тогда религиозные люди могут уйти и перестать платить взносы на зарплату секретарям; они не хотят, чтобы говорили о политике, потому что если возобладают точка зрения анархистов, то вслед за верующими уйдут и сторонники государства. В итоге – слава богу! – нам позволяют говорить об экономике и, к счастью, не запрещают критиковать капитализм... Главное только не заходить слишком далеко, потому что если добраться до самой сути вопроса, то наиболее робкие члены покинут объединение трудящихся, и их взносы будут потеряны.

Хватит этих глупостей. Профсоюз, как говорил [Армандо] Борги, – это содержащее, которое можно наполнить самым различным содержанием. Возьмём три бутылки: одну с вином, другую с нефтью и третью с серной кислотой. Спутаем ли мы их содержание, спутаем ли мы вино с серной кислотой, только из-за того, что они разлиты в одинаковые бутылки? Профсоюз, как общая форма организации наемных работников, может быть фашистским, католическим, коммунистическим, анархистским... Единственное, каким профсоюз не может быть, – это... синдикалистским, таким как это себе представляет Пьер Бенар во Франции.

Некоторые синдикалистские понтифики, анархисты по праздникам, обвиняют нас в преступлении: желании поднять в рабочем движении знамя анархизма. Какой ужас! Это знамя нельзя поднимать в рабочем движении; этому знамени место на посиделках в кафе или в афинити-группах; это знамя – монополия философов; для трудящихся оно слишком абстрактно; трудящиеся должны оставаться едиными как эксплуатируемые.

Мы сознаёмся в преступлении; более того, мы сознаёмся, что мы не стали бы оплакивать гибель рабочих организаций, которые заняты исключительно тем, что требуют повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Скажем прямо: **мы не стали бы оплакивать гибель организаций, над которыми не могло бы развеяться знамя анархизма.**

Это преступление терзает нервы Фабио; но, к счастью, в его распоряжении нет ни палачей, ни гражданских гвардейцев; он пока что не занял пост чиновника будущего синдикалистского царства, так что на сей раз преступление не приведет нас на гильотину. Но мы считаемся с угрозой, скрытой в диктатуре руководителей рабочих организаций. Уже их теории показывают нам, что это будет за режим: организованные массы – ничто, а те, кто ими руководят, – всё; это говорится другими словами, но смысл именно таков. «Профсоюз – это я», – скажут наши будущие правители и заткнут нам рты, как уже затыкали Троцкий и всякого рода европейские Муссолини.

Оставим завтрашние проблемы завтрашнему дню, а сегодня, насколько это возможно, будем бороться за то, чтобы рабочее движение встало на путь анархии и признало наше знамя своим знаменем. И вокруг этого знамени соберем эксплуатируемых и угнетенных на борьбу за лучший мир: сегодня – для забастовки за хоть немного больший кусок хлеба, завтра – для солидарной защиты товарища, попавшего в хищные когти закона, на другой день – для борьбы за насущную проблему, и ежедневно – ради обучения свободе того человеческого материала, который должен будет построить свободный мир.

Мы не хотим создавать огромные рабочие организации, основанные на лжи и имитации наших идей; мы не довольствуемся также влиянием наших идей на пролетарские организации; мы хотим пробудить в этих организациях естественные идеи и тенденции рабочего движения и дать этим тенденциям имя анархизма, потому что рабочее движение, свободное от внешних влияний, которые уводят его из собственного стихийного русла, само склонно к разрушению государства и организации общественной жизни на свободных началах, каких мы и желаем.

Анархистская цель рабочего движения – это отнюдь не наше открытие. Еще Бовио говорил, что сама мысль по природе анархична, а то, что история движется к анархии, признавал и Карл Маркс. Вспомним еще раз это место из его знаменитого памфлета против Бакунина: «Все социалисты понимают под анархией следующее: как только цель пролетарского движения будет достигнута, власть государства исчезнет, и функции управления превратятся в чисто административные функции».

Вот Генрих Кунов, приятель Карла Каутского по журналу «Die Neue Zeit», который обвинял Маркса и Энгельса в том, что они находились под влиянием анархо-либеральных идеологических течений своего времени (см. книгу «История Маркса. Теория государства и общества. Основы марксовской социологии»). И достаточно взять в руки книги самых известных социалистов, таких, к примеру, как Вандервельде или Ленин, чтобы убедиться в том, что они принимали и признавали естественным процесс продвижения социально-революционного рабочего движения к анархистской конечной цели. Не будем же еще меньшими анархистами, чем Карл Маркс; не станем доводить собственную трусость до отречения от наших идей в профсоюзах и отказа от наших усилий поднять над всем рабочим движением или, по меньшей мере, над той его частью, которая откликается нам, знамя анархии – цель нашей борьбы и нашего пути!

Как говорится, нет предательства большего, чем предательство со стороны своих. Было бы печально, если бы нам пришлось защищать анархистскую цель революционного движения от самих анархистов, прибегая к авторитету нашего дорогого друга Карла Маркса. Действия некоторых руководителей Национальной конфедерации труда Испании, называющих себя анархистами, направленные на то, чтобы лишить эту организацию её анархической цели, исторически признанной организованным революционным пролетариатом этой страны, – плохой признак. Будем надеяться, что болезнь не получит дальнейшего развития.

Библиотека Анархизма  
Антикопирайт



Диего Абад де Сантильян  
Еще менее анархисты, чем Маркс  
1925

Скопировано 02.10.2014 с [aitrus.info](http://aitrus.info)

**Опубликовано:** La Protesta. Suplemento Semanal. 10.08.1925 **Перепечатано:**  
E.Lopez Arango, D.A. de Santillan. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona,  
1925. P.177-184 **Первый русский перевод:** avtonom.org **Перевод исправлен В.**  
**Граевским**

[ru.theanarchistlibrary.org](http://ru.theanarchistlibrary.org)